

Название книги итальянского слависта Розанны Бенаккьо (которое может быть переведено на русский приблизительно как "Словенские диалекты Фриули: между языковой периферией и языковыми контактами") обращает внимание на два аспекта изучаемых диалектов, делающие их уникальным явлением в славянском языковом ареале и обеспечивающие устойчивый интерес к ним со стороны славистов на протяжении уже более полутора веков. Действительно, диалекты, о которых идет речь, с одной стороны, расположены на периферии славянского мира и, более того, в относительной изоляции от последнего (большей или меньшей для разных диалектов), с другой, издавна находятся в контакте с романской языковой средой (степень которого также сильно варьирует у того или иного диалекта). Отсюда наличие в них множества редких лингвистических архаизмов и в то же время довольно сильная интерференция с соседними романскими говорами, – сочетание, заставлявшее многие поколения лингвистов ломать голову над загадками словенских диалектов итальянской области Фриули.

Среди словенских диалектов Северной Италии наиболее интересен и знаменит резьянский, носители которого живут в долине Резья. Как указывает Р. Бенаккьо, предки резьян-словенцев заселили долину не позднее XI в. С тех пор, в силу особенностей географического положения долины, ее жители относительно мало контактировали как со словенцами, так и с романским населением. Следствием многовековой изоляции стало сохранение в резьянском диалекте множества архаических черт, представляющих исключительный интерес как для истории словенского языка, так и для славистики в целом. Неудивительно, что этот диалект, насчитывающий всего око-

ло 1300 носителей, отнюдь не обделен вниманием специалистов.

Открытый в конце XVIII в. графом Яном Потоцким, записавшим во время одного из своих путешествий первые образцы резьянской речи, диалект привлек внимание таких основоположников славистики, как Й. Добровский, В. Копитар, П.И. Шафарик. Впоследствии его изучением занялся И.И. Срезневский. Однако основателем резьянологии как научной дисциплины по праву считается И.А. Бодуэн де Куртенэ, совершивший ряд экспедиций в Резьянскую долину, собравший и опубликовавший массу ценного материала и посвятивший языку резьян докторскую диссертацию "Опыт фонетики резьянских говоров" [Бодуэн де Куртенэ 1875]. После Бодуэна изучение резьянского диалекта велось в основном в рамках словенистики (особенно важны работы выдающегося словенского диалектолога Ф. Рамовша). Однако конец прошлого столетия ознаменовался новым всплеском интереса к резьянскому диалекту со стороны ученых разных стран. Результатом стало проведение в 1991 г. в Резье международной конференции "Основы практической резьянской грамматики", материалы которой вышли отдельным томом в 1993 г. [Steenwijk (ed.) 1993], ср. обзор в [Дуличенко 1995]. Большая заслуга в изучении резьянского диалекта принадлежит голландскому исследователю Хану Стенвейку, который дал подробное монографическое описание одного из резьянских говоров ([Steenwijk 1992]; также рассматривается в обзоре [Дуличенко 1995]), разработал правила резьянской орфографии [Steenwijk 1994] и предпринял много томное издание практической грамматики резьянского языка [Steenwijk 1999].

Хотя обитатели Резьянской долины не могут пожаловаться на недостаток интереса к своему языку, отнюдь не все его аспекты в достаточной мере изучены. Со времен классических работ Бодуэна де Куртенэ основное внимание уделялось фонетике и лексике резьянских говоров, в то время как морфология и синтаксис оставались в тени. Рецензируемая работа Р. Бенаккьо призвана отчасти восполнить эту лагуну. Кроме того, речь в ней идет не только о резьянском, но и о других словенских диалектах Фриули.

Книга состоит из четырех глав. Из них первые две ранее публиковались в виде статей, две другие – новые. В приложении приводятся диалектные тексты с переводом на итальянский. Книга снабжена подробной аннотацией на словенском и немецком языках.

Первая глава носит вводный характер. В ней перечислены наиболее любопытные морфосинтаксические особенности резьянского диалекта, в частности: утрата двойственного числа и среднего рода; использование простых претеритов; прекращение действия закона Ваккернагеля для местоименных клитик; употребление исконого указательного местоимения в качестве определенного артикля; предпочтительное использование окончаний *и-склонения с одушевленными существительными; семантически мотивированное противопоставление кратких и полных прилагательных (аналогичное тому, что наблюдается в сербохорватском, и обратное ситуации в русском) и т.д. Некоторые из перечисленных явлений (наряду с другими) подробно разбираются в следующих главах.

На протяжении всей книги автор подчеркивает мысль о необходимости искать внутренние причины наблюдаемых явлений и процессов, прежде чем списывать их на счет романского влияния. Последовательно используя данный подход, Р. Бенаккьо показывает, что во многих случаях иноязычное влияние лишь подкрепляет внутренние тенденции в рассматриваемых диалектах. Большим подспорьем здесь оказывается типологический материал (как славянский, так и иной), нередко указывающий на аналогичные процессы в языках, не подверженных романскому влиянию. В этой связи исследователь сочувственно цитирует известное высказывание Р. Якобсона: "*La langue n'accepte des éléments de structure étrangère que quand ils correspondent à ses tendances de développement*" [Jakobson 1949: 359].

Подтверждение этому тезису можно найти, в частности, во второй главе, где на материале старейшего из дошедших до нас резьянских письменных памятников – катехизиса

конца XVIII в. (обнаруженного и опубликованного Бодуэном де Куртенэ) – рассматривается формирование в резьянском определенного артикля на базе указательного местоимения, восходящего к праславянскому **гь*, **га*, **го*. По мнению автора книги, сравнение процессов в резьянском с ситуацией в других славянских языках и диалектах (ср., например, болгарский, северно-русские диалекты, а также словенские диалекты на территории самой Словении) свидетельствует скорее о независимом развитии в нем категории артикля, чем об (исключительном) романском влиянии.

В катехизисе определенный артикль используется главным образом с прилагательными – как в адъективном, так и в субстантивном значении: лишь примерно в четверти случаев он ставится перед существительным без прилагательного. Р. Бенаккьо объясняет это тем, что категория артикля в резьянском (а также в некоторых других славянских языках и диалектах) приходит на смену семантическому противопоставлению между краткими и полными формами прилагательных, некогда имевшему прямое отношение к категории определенности. Эта гипотеза хорошо согласуется с общими представлениями о циклической природе процессов грамматикализации.

В третьей главе рецензируемой работы резьянский диалект анализируется в сравнении с двумя другими словенскими диалектами Фриули, распространенными, соответственно, в долинах Торре и Натизоне. Последние менее консервативны, чем резьянский: для диалекта Торре характерны более тесные контакты с фриульскими диалектами итальянского, а для диалекта Натизоне – со словенскими диалектами, он ближе всех к литературному словенскому языку.

Как отмечает Р. Бенаккьо, все три диалекта склонны к утрате среднего рода (особенно во множественном числе) и двойственного числа, причем, по мнению исследователя, в обоих случаях речь идет не столько о романском влиянии, сколько об общеславянских тенденциях. Напротив, только в резьянском, хотя и в очень слабой степени, сохранилось употребление простых прошедших времен. Точнее, в современном языке аорист уже полностью утрачен, но в конце XIX в. Бодуэн де Куртенэ еще застал sporadическое его употребление в речи пожилых людей. Имперфект в настоящее время образуется лишь от 7-ми глаголов, из которых 4 модальных (опять же, в XIX в. фиксировалось более широкое употребление); он используется практически только в модальных контекстах, в том числе в аподосисе условных конструк-

ций. Большую "живучесть" имперфекта по сравнению с аористом в резьянском, по-видимому, надо отнести на счет романского влияния: в диалектах севера Италии (как, впрочем, и в разговорном регистре литературного языка) аорист (*passato remoto*) утрачен, в то время как имперфект широко используется — в частности, в условных конструкциях; в славянских же языках (по замечанию Р. Бенаккьо) наблюдается скорее противоположная тенденция — аорист сохраняется дольше, чем имперфект¹.

Сложнее обстоит дело с употреблением клитик: во всех трех диалектах клитики могут занимать первое место во фразе, т. е. не подчиняются закону Ваккернагеля. Этим словенские диалекты Фриули отличаются от большинства славянских языков, имеющих клитики. Как полагает Р. Бенаккьо, здесь также могло сказаться романское влияние; с другой стороны, подобное явление характерно и для словенских диалектов вне зоны контакта с итальянским.

Чрезвычайно любопытны приводимые Р. Бенаккьо сведения о плюсквамперфекте в рассматриваемых диалектах. При этом трактовка материала является, на наш взгляд, спорной. В резьянском представлены два грамматических показателя плюсквамперфекта: оба состоят из вспомогательного глагола "быть" и причастия на *-i*, но в первом связка имеет форму имперфекта, а во втором — перфекта (так называемая "сверхсложная" форма плюсквамперфекта). Имперфектный плюсквамперфект используется только в условных конструкциях с гипотетическим значением (и в протаксисе, и в аподосисе). Что же касается сверхсложной формы, то она, по мнению Р. Бенаккьо, "не имеет специальных модальных значений и выполняет лишь темпоральную функцию, обозначая либо давно-прошедшее, либо непосредственное предшествование точке отсчета в прошлом" (с. 87). Отсюда можно заключить, что сверхсложный плюсквамперфект в резьянском диалекте, в сущности, имеет классическое таксисное значение предшествования другому событию в прошлом (плюс часто — но не всегда оправданно — приписываемое плюсквамперфекту

значение давнопрошедшего). Тем не менее, в справедливости данной трактовки заставляют усомниться как известные из типологии сведения о семантике сверхсложных форм, так и примеры, которые приводит Р. Бенаккьо.

Как показало исследование Д.В. Сичинавы [Сичинава 2002], сверхсложные формы плюсквамперфекта (со вспомогательным глаголом "иметь" или "быть" в форме перфекта) имеются в целом ряде европейских языков, причем все их отличает одна семантическая особенность, а именно, способность передавать значение "аннулированного" или недостигнутого результата (см. об этом значении [Плунгян 2001]). В частности, к таким показателям относится французский *passé surcomposé* (*j'ai eu lu*), который в литературном языке имеет таксисное значение, но в южно-французских диалектах обозначает действие с аннулированным результатом или "прекращенную ситуацию". Аналогичные формы отмечены также, например, в сербохорватском, литературном немецком и цюрихском диалекте немецкого. Существенно, что развитие таких показателей обычно происходит на фоне утраты семантического противопоставления между аористом и перфектом, вытеснения первого вторым и, как следствие, разрушения старой системы прошедших времен: так, во французском *passé surcomposé* вошел в употребление в XVI в., когда в разговорном языке *passé composé* стал вытеснять *passé simple*. Аналогичная форма имела и в древнерусском: это так называемый "русский плюсквамперфект" (*есмь быль шель*), из которого, по мнению Г.А. Хабургаева [Хабургаев 1978], произошла современная русская конструкция с частицей *было* — с тем же значением аннулированного или недостигнутого результата.

Разумеется, в рамках настоящей рецензии невозможно углубляться в данный вопрос, но, судя по примерам, приведенным в рецензируемой монографии, а также в тех работах, на которые ссылается Р. Бенаккьо, резьянская сверхсложная форма плюсквамперфекта вполне может пополнить вышеприведенный список. Так, на с. 87 Р. Бенаккьо приводит следующий пример из [Steenwijk 1992: 182]: *si bila wap raklä wže te drügi vijač* 'я вам уже говорила (об этом) в прошлый раз' (комментарий Х. Стэнвейка: за 17 дней до того). Х. Стэнвейк, а вслед за ним и Р. Бенаккьо, интерпретируют это употребление как давнопрошедшее. Однако говорящая в данном случае подчеркивает не давность разговора, а то, что сказанное ею было забыто. Другой пример: *na jě muknula; an bil pusikal din fregul* 'она так и остолбенела: он только лишь чуть-чуть покосил'. Р. Бенаккьо вслед за Х. Стэнвейком трактует здесь значе-

¹ Р. Бенаккьо ссылается, в частности, на данные древнерусского языка (с. 81–82), однако отнюдь не очевидно, что в восточнославянском, равно как и в западнославянских языках, имперфект вообще когда-либо существовал и не был всего лишь книжным заимствованием из образцовых южнославянских текстов, ср. [Хабургаев 1991].

ние плюсквамперфекта как предпрошедшее. К сожалению, отсутствие более широкого контекста не позволяет судить с полной уверенностью, но, скорее всего, предполагалось, что работа должна была быть выполнена полностью: вместо этого она была едва начата; таким образом, опять-таки подчеркивается отсутствие результата. Характерно, что И.А. Бодуэн де Куртенэ всегда переводит данный показатель с помощью русской частицы *было*, ср.: *Ja si bil šal jitàn* 'Я шел было туда' [Бодуэн де Куртенэ 1875: 37].

Что же касается имперфектного плюсквамперфекта в резьянском диалекте, то ограниченность его употребления условными конструкциями тоже вполне предсказуема с типологической точки зрения: именно так обычно ведут себя "старые" показатели плюсквамперфекта (ср. [Сичинава 2004]).

Если ситуация в диалекте Резьи представляется типологически вполне закономерной, то этого нельзя сказать о двух других словенских диалектах Фриули – долин Торре и Нати-зоне. В этих диалектах имеется только сверхсложный показатель плюсквамперфекта, который, как пишет Р. Бенаккьо (с. 87), имеет как модальные, так и чисто временные значения (впрочем, приведены лишь условные конструкции). В данном случае, на наш взгляд, логично предполагать романское влияние: возможно, диалектная словенская форма просто "поставлена в соответствие" итальянскому плюсквамперфекту.

Как кажется, нельзя безоговорочно согласиться с гипотезой Р. Бенаккьо о том, что консервация (хотя и довольно фрагментарная) в словенских диалектах Фриули старой системы прошедших времен связана со слабой развитостью в них категории глагольного вида (с. 88). Эта достаточно часто высказываемая (по отношению к разным языкам) идея традиционно парируется примером болгарского языка, где присутствие полного набора претеритов не помешало развитию категории вида, ни в чем не уступающей, например, русскому языку (ср. [Dickey 2000]).

Четвертая глава книги посвящена специфической резьянской клитке *ta*, всегда присоединяемой к следующему за ней предлогу и выступающей в пространственно-временных обстоятельствах (в литературе она называется то частицей, то наречием места; Р. Бенаккьо предлагает говорить о "форме *ta*"). Со времен И.И. Срезневского принято считать, что форма *ta*, как и резьянский "определенный артикль", восходит к праславянскому указательному местоимению **ъь*, **ta*, **ю*. Р. Бенаккьо предложила новую, оригинальную и в то же время вполне убедительную этимологию:

данная форма происходит из праславянского наречия **tamo* (которое, помимо 'там', могло означать также 'туда'). Показано, каким образом **tamo* фонетически (в результате ассимиляции с последующими предлогами и переразложения) преобразовалось в *ta*. В подтверждение своей гипотезы автор приводит целый ряд наблюдений, в частности, тот факт, что форма *ta* всегда отсутствует, если перед предлогом стоит наречие места.

Как и во многих других случаях, развитие формы *ta* в резьянском могло стимулироваться наличием аналогичных конструкций в итальянских диалектах Фриули. Тем не менее, Р. Бенаккьо полагает, что, несмотря на возможное романское влияние, и здесь мы имеем дело с явлением, возникшим в силу внутренней логики развития рассматриваемого диалекта и характерным также для других славянских языков и диалектов.

Очевидно, в силу того, что книга составлена из статей, в разное время написанных и посвященных разным вопросам, она обнаруживает некоторую внешнюю непоследовательность изложения. Так, несколько "запоздалым" выглядит предисловие к третьей главе, где излагаются общие сведения о словенских диалектах Фриули и истории их носителей, тем более, что эти сведения во многом повторяют информацию, содержащуюся в первой главе. Впрочем, в целом книгу отличает ясность и простота изложения.

На наш взгляд, работа Р. Бенаккьо является важным вкладом в изучение словенских диалектов Италии и представляет безусловный интерес не только для словенистов, но и для специалистов в самых разных областях славистики, а также для типологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодуэн де Куртенэ 1875 – И.А. Бодуэн де Куртенэ. Опыт фонетики резьянских говоров. Варшава; Петербург, 1875.
- Дуличенко 1995 – А.Д. Дуличенко. Резьянология как раздел словенистики (в связи с выходом монографии Х. Стэнвейка "Словенский диалект Резьи Сан Джорджо" и сборника "Основы практической резьянской грамматики") // ВЯ. 1995. № 2.
- Плунгян 2001 – В.А. Плунгян. Антирезультатив: до и после результата // В.А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М., 2001.
- Сичинава 2002 – Д.В. Сичинава. Типология глагольных систем с несколькими формами плюсквамперфекта. (Дипломная работа. МГУ). М., 2002.

- Сичинава 2004 – Д.В. Сичинава К проблеме происхождения славянского условного наклонения // Ю.А. Ландер, В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М., 2004.
- Хабургаев 1978 – Г.А. Хабургаев. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1978. № 4.
- Хабургаев 1991 – Г.А. Хабургаев Древнерусский и древнепольский глагол в сравнении со старославянским (К реконструкции праславянской системы претеритов) // Г.А. Хабургаев, А. Бартошевич (ред.). Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола. М., 1991.
- Dickey 2000 – S. Dickey Parameters of Slavic aspect: a cognitive approach. Stanford, 2000.
- Jakobson 1949 – R. Jakobson. Sur la théorie des affinités phonologiques entre les langue // N.S. Trubetzkoy. Principes de phonologie. Paris, 1949.
- Steenwijk 1992 – H. Steenwijk. The Slovene dialect of Resia. San Giorgio (Studies in Slavic and general linguistics, 18). Amsterdam; Atlanta, 1992.
- Steenwijk (ed.) 1993 – H. Steenwijk, a cura di. Fondamenti per una grammatica pratica resiana (Atti della Conferenza Internazionale tenutasi a Prato di Resia (UD), 11–13.XII.1991). Padova, 1993.
- Steenwijk 1994 – H. Steenwijk. Ortografia resiana. Tō jošť rozajanskě. Padova, 1994.
- Steenwijk 1999 – H. Steenwijk. Grammatica pratica resiana. Il sostantivo. Padova, 1999.

П.В. Петрухин